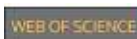

Герасимова В. А. Сибирская конфессиональная идентичность конца XIX — начала XX веков : фактор палестинского паломничества / В. А. Герасимова // Научный диалог. — 2019. — № 5. — С. 285—300. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-285-300.

Gerasimova, V. A. (2019). Siberian Confessional Identity of Late 19th — Early 20th Centuries: Factor of Palestinian Pilgrimage. *Nauchnyi dialog*, 5: 285-300. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-285-300. (In Russ.).

УДК 94(47).083+910.4(571.1/.5:569.4)“188/191”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-285-300

Сибирская конфессиональная идентичность конца XIX — начала XX веков: фактор палестинского паломничества¹

© Герасимова Виктория Александровна (2019), orcid.org/0000-0002-9968-3379, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия), gerasimova@bk.ru.

Рассматривается феномен русской религиозной идентичности жителей Сибири. В качестве материала используются религиозные и светские тексты сибирских авторов XIX — начала XX веков, документы региональных архивов. Особое место уделено вопросам «религиозности» и особым «нравов сибиряков». Цель — проанализировать процесс актуализации традиционных консервативных русских ценностей в Сибири. Автор приходит к выводу, что на трансформацию региональной сибирской идентичности оказывала влияние концепция «Русской Палестины», выступившей одним из уникальных «хранилищ» национальной культурной памяти и русской идентичности. Отмечается, что интервенция русской традиции в Палестину осуществлялась веками, в результате чего в тысячах километрах от границ России возник уникальный религиозно-культурный феномен. Показано, что, несмотря на изменения и потрясения внутри страны, «Русская Палестина» сохраняла свои функции «хранилища», стала своеобразным межвременным полем, на котором происходили формирование, верификация и закрепление новых, специфических религиозно-культурных идей и ценностей, через Святую землю происходило соединение Сибири с центральной Россией. Указывается, что основным коммуникационным мостом между Сибирью и Святой землей были сибирские православные паломники. Основная цель паломничества, по мнению сибирских церковнослужителей, заключалась в подъеме религиозных чувств верующих, «оздоровлении православной веры». Подчеркивается, что путь в Палестину для сибирских иноверцев, принявших христианство, был путем по приобретению русской идентичности.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Воображаемые территории русской идентичности: случай Палестины XIX—XXI вв.» (№ 18-78-10062).

Ключевые слова: Палестина; русская религиозная идентичность; сибирские па-
ломники; Русская Палестина; Святая Земля; Иерусалим.

1. Постановка проблемы

Одним из уникальных «хранилищ» национальной культурной памяти и русской идентичности выступала «Русская Палестина». Интервенция русской традиции в Палестину проходила веками, в результате чего в тысячах километрах от границ России возник уникальный религиозно-культурный феномен. К концу XIX века «Русская Палестина» представляла собой комплекс сооружений (гостиниц, подворий, монастырей, школ и медицинских учреждений) [Пересыпкин, 2016, с. 116—117, 120]. Следует согласиться с точным замечанием исследователей Р. Б. Бутовой и Н. Н. Лисового, что «Русская Палестина вызревала и создавалась как некое сакральное пространство русского вхождения в святыни Святой земли» [Бутова и др., 2010, с. 524—525]. Несмотря на изменения и потрясения внутри страны, «Русская Палестина» сохраняла свои функции «хранилища», стала своеобразным межвременным полем, на котором проходило формирование, верификация и закрепление новых, специфических религиозно-культурных идей и ценностей. Однако на сегодняшний день остается непонятным, с помощью чего происходила актуализация традиционных консервативных русских ценностей в Сибири, как и какое влияние на трансформацию региональной сибирской идентичности оказывала «Русская Палестина». Ответы на эти вопросы будут представлены в рамках данной статьи.

Сибирь на протяжении всей своей истории характеризовалась как полиэтнический и поликонфессиональный регион. Колонизация Зауралья русскими переселенцами усилила религиозную пестроту провинции, в XVI—XX веках в границах этой территории проживали и взаимодействовали представители православия, католицизма, протестантизма, ислама, иудаизма, буддизма, множества различных языческих культов. Отражением этого процесса стало появление сибирского типа культуры, который был своеобразным результатом соединения и переплетения русской старожильческой, тюркско-татарской, угорской и самодийской культур и европейского образования. Сибирский «плавильный котел», по мнению современных исследователей, способствовал формированию новых особых идентичностей (сибирских евреев, сибирских татар, сибирских немцев и др.). В связи с этим справедливым оставался вопрос о существовании особого типа православного русского сибиряка, о том, насколько русский человек в Сибири оставался православным, фактически в современных

терминах поднимался вопрос об изменении религиозной идентичности русского человека в Сибири.

2. Сибирская религиозная идентичность

В конце XIX — начале XX веков тема «религиозности» и особых «нравов сибиряков» заняла важное место в общественно-религиозном дискурсе Сибири, стала обсуждаться в местной православной периодической печати, в 1880-х годах прежде всего в Тобольских и Томских епархиальных ведомостях. Епархиальные ведомости относились к местным официальным церковным периодическим изданиям. В 1916 году споры вокруг сибирской религиозности разгорелись в Красноярске. Диакон Дикусар (судя по информации, которую раскрывает о себе диакон, до назначения на службу в Сибирь, где на тот момент он находился еще сравнительно мало, его карьера складывалась на юге России, Поволжье и губерниях у Балтийского моря) опубликовал в Енисейских епархиальных ведомостях открытое письмо «Несколько слов о религиозно-нравственном состоянии сибирского крестьянина и мерах к его улучшению», в котором обрушился с критикой на сибирскую религиозную действительность [Дикусар, 1916, с. 10]. Письмо Дикусара вызвало ответную реакцию, и в 1916 году в Енисейские епархиальные ведомости поступило сразу несколько писем, два из которых «в защиту сибиряка», а одно уже в защиту Дикусара.

Сибирские авторы разделились во мнениях, первые говорили об индифферентности сибиряка к религии. Диакон Дикусар писал: *К своему ужасу, я встретил здесь [в Сибири] русского мужика, настоящего русского мужика, совершенно индифферентного к религии. Мало того, я встретил мужика, отрицающего бытие Бога!* [Там же]. На этом основании Дикусар делал важный вывод: *Таким образом, я убедился, что сибирский мужик — это не «русский мужик», а действительно «сибирник», как его называют Малороссы, характеризуя этим термином человека бездушного, безбожного* [Там же]. Диакон тем самым ставил под сомнение «русскость» сибиряка, указывая на особую идентичность, отличную от центральной России. Диакон П. Макаров продолжал мысль Дикусара: *Следует признать, что жители Сибирских городов и деревень к вопросам религии вообще индифферентны* [О Сибиряке, 1916, с. 23—24]. По словам Макарова, переселенцы обладали большей религиозностью, чем старожилы, однако *переселенцы говорят, что по приезду в Сибирь они были религиозные, но под влиянием насмешек со стороны старожилов постепенно*

1 Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация источников.

утрачивают эту религиозность и, хотя и не в такой же степени, как старожилы, но все же становятся равнодушными к религии, особенно молодое поколение [Там же].

Вторая часть сибирских авторов писала, напротив, о более сильной религиозности сибиряка по сравнению с жителем центральной России. Размышляя о русских переселенцах и ссыльных в Сибири, автор «Тобольских епархиальных ведомостей» отмечал, что *нравственное состояние сибиряков... конечно оставляет желать много лучшего, однако в религиозном отношении сибиряки едва ли уступают жителю России, причиной этого, по мнению автора, являлись те трудности и невзгоды, которые выпадали на судьбу переселенцев и ссыльных: каждый из ссыльных, поселившихся или водворенных в Сибири, есть своего рода пловец на бурном житейском море, справиться с этими трудностями можно только при вере в Бога — всемогущего помощника и покровителя человека в бедах и напастьях [300-летие ..., 1882, с. 472—473].* Жена священника Вера Ушакова обращала внимание на *трудолюбие, чистоплотность и гостеприимство* сибиряка, называла его *безусловно верующим человеком, свято соблюдающим свою православную веру, почитающим св. храм и его святыни* [Ушакова, 1916, с. 28—29]. Убеждая читателя в «обычности» сибиряка, Ушакова все-таки обращалась к «особенному»: *Ни один сибиряк не пройдет мимо храма, не перекрестившись. И ни один сибиряк не пройдет мимо священника, не поклонившись ему. Сибиряк чтит священника не как о. Ивана или о. Николая, а именно как человека, на котором почивает благодать Божия [Там же].* Сельский священник-переселенец (проживал в Сибири три года) также апеллировал к региональным особенностям: *Когда я ехал в Сибирь, то представлял себе будущих прихожан именно «сибиряками» — как негодный элемент; я думал, что в Сибири можно жить лишь по неволе: вскоре мне пришлось изменить свое мнение, и как обидно было за россиянцев, которые в большинстве смотрят на Сибирь и ее население как на что-то страшное и негодное. Чистота и чистоплотность сибиряка неоспоримы... [Еще в защиту ..., 1916, с. 16].*

О причинах особой сибирской религиозности рассуждал бывший школьный учитель из Минусинска В. Абаймов: *Мы, сибиряки, имеем и свои местные особенности, и частные наши интересы и потребности, обусловленные географическим положением нашего края, климатическими его условиями, особенностями его природы и природных богатств — горных, местных, речных, хлебопахотных и проч., этнографическими особенностями его населения и др. многое. Все это создает свой особый уклад жизни, свои особенные взаимные отношения, порождает некото-*

рые особенности в характере, чувствованиях, в строе мыслей... [Абаимов, 1905, с. 372—373]. Таким образом, в 1880—1917 годах в сибирских епархиальных ведомостях вышли несколько статей местных авторов (в основном церковных служителей), в которых были обозначены следующие особенности сибирской религиозности:

(1) часовой характер набожности сибиряков в отличие от жителей европейской России, где набожность носила церковно-монастырский характер. Это объяснялось тем, что *сибирский крестьянин часто не имел возможности за сотни и более верст посещать свою приходскую церковь, а потому по необходимости должен был ограничиваться молитвою в своей деревянной часовне и приношением сюда различных прикладов* [Городков, 1889, с. 15];

(2) низкий уровень обрядовой религиозности: *Отовсюду доносились жалобы прежнего Сибирского духовенства, что сибиряки в церковь не ходят постов не соблюдают, о принятии святых таинств не заботятся, крещение своих детей откладывали надолго, на исповедь не являлись, жили не венчавшись, крестов на себе не носили и т. д.* [Там же]. Священник Попов отмечал, что *сибиряки вообще не очень-то охотники поступать в монастыри* [Попов, 1910, с. 281]. Диякон П. Макаров писал: *Но почти все они, по традиции, еще продолжают служить молебны, но принимают св. иконы в дома чрезвычайно редко — один-два раза в год; посещают изредка св. храмы; некоторые не бывают в храме десятки лет. Храм у нас бывает полон молящимися только в тех случаях, когда съедутся переселенцы из деревень. Не приехали переселенцы (дождь, буран) — храм пустой: две-три старушки, Вася и другой юродивый — вот и все* [О Сибиряке, 1916, с. 23—24]. Воспитанник Никон Уставщиков, который вместе с учащимися Красноярской духовной семинарии (в своих паломнических записях Н. Уставщиков рассказывает, что он родом Нижегородской губернии) в 1908 году совершил «экскурсию» в Святую землю, писал в дневнике: *Здесь [в Киеве] мы убедились, что жив еще в народе дух веры, жива вера в Бога, жива с ними и Россия; и что «российский народ» религиознее и почтительнее «сибиряков»* [Уставщиков, 1908, с. 28]. И далее: *У нас в селе [Нижегородская губерния] в крестный ход из всех церквей на воду р. Суновик. Люблю я эти крестные ходы. Какая масса хоругвей, икон, народу! — в селе (бол. 10,000 населения) остаются дома старый да малый. Вряд ли народ в Сибири способен так воодушевляться?!* [Уставщиков, 1912, с. 39];

(3) «материальная жертва Богу» как главная составляющая религиозности сибиряка: *Сибиряк считал долгом жертвовать часть своего до-*

стояния Богу [Городков, 1889, с. 15], при этом жертвенность тесно переплеталась с языческими культами сибирских коренных народов: *Зверолов в случае успеха жертвовал в свою церковь зверей, хлебопашец — часть своих плодов. Партия различных авантюристов, отпустивших какие-либо инородческие улусы, также считала своею обязанностью часть добычи пожертвовать на церковь. Своими пожертвованиями сибиряк хотел примириться с небом за свои нечистые деяния* [Там же];

(4) богопочитание посредством паломничества: сибиряки зачастую отправлялись на поклонение святыням Европейской России, в Печерскую Лавру, Соловецкий монастырь [Там же]. Совершение путешествия из Сибири требовало серьезных физических, духовных и материальных затрат.

С одной стороны, в размышлениях современников, сильный и хозяйственный сибиряк был более религиозен, чем житель европейской России, с другой — к началу XX века у местного священства (преимущественно присланного из центральной России) накопилось достаточно претензий к обрядовой составляющей сибирской религиозности. Автор одной из статей писал про религиозные нужды переселенцев в Акмолинскую область: *При таком печальном положении в религиозном отношении новых насельников Сибири, не будет удивительным, если некоторые из них, не находя удовлетворения своим религиозным потребностям в Православной Церкви, будут искать его на стороне в религиозных общинах различных сектантов* [Религиозные..., 1907, с. 35]. Наличие мощнейшего инородного компонента, язычников и раскольников усиливало сомнения в «нормальности» русской идентичности и у самих сибиряков, тем самым провоцируя у них мысль о верификации. Этот процесс накладывался на желание духовно-идеологического руководства империи укрепить базовые традиционные ценности, исключить в сибирской провинции сомнения в «верности» сформированных представлений о православии. Таким уникальным рецептом решения обозначенных выше проблем стало паломничество в Святую землю.

3. Сибирское паломничество в Палестину

Согласно статистическим данным, в конце XIX века ежегодное число российских паломников в Палестину составляло от 6 до 20 тыс. человек [Грушевой, 2013, с. 488; Романов, 1995, с. 6]. Для сравнения: в конце XIX века из Франции, Австрии и Италии суммарно приезжали только 800—1000 католических паломников [Шаповалов, 2018, с. 952]. Сибирские паломники были не так многочисленны. По подсчетам исследователей В. В. Цысь и О. П. Цысь, за четыре года семь месяцев между 1893

и 1899 годами на Святую землю из Томской губернии отправились 170 чел. (в среднем 37 чел. в год), из Тобольской — 84 чел. (в среднем чуть более 18 чел. в год) [Цысь и др., 2014, с. 134—135]. Одним из наиболее известных паломников из Тобольской губернии был туринский священник И. А. Селихов, который в 1906 году отправился в *паломническое странствие* по Ближнему Востоку [Селихов, 1907, с. 374]. Из отрывочных сведений о православных паломниках из Акмолинской области доступна информация о прошении в 1880 году *об увольнении на два года для поклонения Святым местам в г. Иерусалиме* отставных казаков Петропавловского уезда: Матвея Герасимова, Ивана Никулина, Леонтия Сизинцева и Ивана Гагачева [ГИАОО, оп. 10, д. 16608, л. 1] и ходатайстве в 1887 году казаками станиц казачьего войска о поездке *в Иерусалим для богомолья и поклонения Святым местам* [ГИАОО, оп. 1, д. 1576, л. 2]. Данные по числу паломников на Святую землю из Восточной Сибири практически отсутствуют, сегодня мы располагаем лишь сведениями о единичных случаях выезда в Палестину [Дулов и др., 2006]. Известно, что в 1862 году монах Туруханского монастыря Аркадий совершил путешествие в Иерусалим и на Афон [Новейшие ..., 1864, с. 482], а в 1887 году каннский протоиерей Иоанн Серебренников был уволен на 4 месяца *для поклонения святым местам в Россию, на Афон и в Палестину* [Распоряжение ..., 1887, с. 131]. Иркутский священник, совершивший паломничество в Палестину в 1900—1902 годах, писал: *Когда мы вернулись в N, то узнали, что прибыли новые Богомольцы и среди них, между прочим, батюшка Якутской епархии. А я думал, что единолично являюсь паломником из самых отдаленных мест России* [М.И.П., 1902, с. 93].

Социальный портрет сибирского паломника соответствовал общерусским тенденциям. По данным нижевартовских исследователей, из Томской и Тобольской губерний на Святую землю чаще отправлялись крестьяне (около 75—79 %) в возрасте старше 50 лет (более 70 %). [Цысь и др., 2014, с. 138—139]. Как резюмировал данные отчетов ИППО за 1888—1890 годы А. Г. Грушевой: *самым распространенным типом среди русских паломников была женщина-крестьянка в возрасте от 50 до 60 лет. Наиболее редкими среди них были мужчины-дворяне* [Грушевой, 2017, с. 157]. Итальянская писательница отмечала: *Среди разных народностей у Гроба Господня вы узнаете русского поклонника, самого бедного, самого смиренного, самого набожного, самого молчаливого и самого пламенного из числа всех других поклонников* [Русские ..., 1901, с. 350]. Не все иностранцы так лестно отзывались о русских странниках, в их воспоминаниях встречаются более резкие высказывания: когда они сталкивались с огром-

ными массами русских простолюдинов, у них складывалось впечатление, что русский царь желал пропустить все «простое» население России через Святую землю: *Этим утром толпа и смятение были велики, вверх и вниз по ступеням текли два противоположных потока сотен потных и зловонных русских паломников, среди которых мы боролись во мраке* [Naggard, 1902, p. 176]. Паломничество из Сибири в Палестину осуществляли прежде всего тоболяки крестьянского сословия в возрасте старше 50 лет, что было неудивительным, учитывая особый статус Тобольской епархии и сакральный статус Тобольска для остальной Сибири. Именно тобольские епархиальные ведомости были наполнены текстами о паломничестве в Святую землю.

4. Паломничество и русская религиозная идентичность

На протяжении 1880—1917 годов сибирские епархиальные ведомости (особенно после создания Православного Палестинского общества в 1882 году, с 1889 года оно называлось Императорское ППО) публиковали с периодичностью несколько раз в год заметки, посвященные паломничеству на Святую землю, истории Палестины, описанию святых мест. Отдельное место в преддверии праздника Входа Господня в Иерусалим (неделя Ваий) было выделено публикациям о сборе средств на поддержку русских проектов в Палестине.

Святая земля в этих публикациях называлась *духовной родиной* [Городков, 1897, с. 43] всякого верующего христианина, соответственно, *побывать в земле обетованной, поклониться местам, освященным дорогами для всякого верующего воспоминаниями, отрешившись от мелочей и забот обыденной жизни, представлялось заветной мечтой православного русского человека* [Русские ..., 1898, с. 145]. Святая земля, таким образом, выступала в текстах сибирских епархиальных ведомостей «хранилищем» национальной культурной памяти и русской религиозной идентичности. Священник К. Гусев писал: *Стремление к святейшим местам на земле не служит ли той связью, которая соединяет людей самых разнообразных верований и исповеданий и духовно собирает их в одном месте? И каждый раз, когда слышится слово Божие, пробуждается сильное желание познать место откровения и водвориться в стране, которая удостоилась пребывания Сына Божия во дни Его явления миру. Как бы ни были удалены от святой земли христиане, нередко у них пробуждаются при одном имени о святой земле воспоминания и чувства, затрагивающие самую глубину их человеческого сердца* [Гусев, 1910, с. 355]. Палестина, таким образом, виделась связующим звеном между Сибирью и центральной

Россией, местом единения всего «разбросанного» по империи русского народа. Позволим себе подробно процитировать речь протоиерея Д. Смирнова в собрании Тобольского отдела Императорского Православного Палестинского общества: *Палестина доставляет святыне минуты, дает почувствовать высокие, благородные порывы и тем, кто по своему настроению далек от церкви, от молитвенных переживаний. Вот легкомысленный юноша, почти совершенно равнодушный к вере — передает один паломник, — совершает поездку в Палестину из-за одного любопытства. Но обаяние Св. Земли сказалося на нем. В тот момент, когда поезд с знаменитой Саронской равнины вошел в величественную цепь гор Иудейских, он не мог удержаться от восторга и закричал: «Да, это поистине страна чуда».* Паломники, по мнению Смирнова, *переносят дух христианской веры по возвращении на родину: Теперь представим себе, что посетителей Св. Земли было бы все больше и больше. Значит, больше было бы и людей, христиански настроенных, и многие из тех, которые теперь так сильно увлекаются круговоротом жизни, побывавши в Св. Земле и пережив там минуты священного детского восторга веры, стали бы переносить на свою родину, в свои семьи, в среду своих сослуживцев, сограждан то высокое настроение, которое они почерпнули в далекой Палестине. Насколько было бы полезно для современного русского человека проникновение этим духом христианской веры, христианского идеализма, говорить излишне [Смирнов, 1913, с. 31—32].* Далее Смирнов делал важный вывод: *И вот здесь Св. земля с ее веянием жизни иной, жизни небесной и может явиться могучим фактором, оздоравливающим язвы нашей жизни народной, все больше и больше отходящей от Бога. Императорское Православное Палестинское Общество поставляет своей задачей облегчить русскому человеку посещение Св. земли, и тем самым оно дает ему возможность почерпнуть там источник «воды живой» — запастись светлым, бодрящим, жизнерадостным духом и через то постепенно изгнать из своего сердца яд скептицизма и пессимизма — этих страшных болезней нашего времени, и вместе с тем стать достойным сыном своего отчества, полезным членом Общества [Там же].*

Таким образом, основная цель паломничества, по мнению сибирских церковнослужителей, заключалась в подъеме религиозных чувств верующих, «оздоровлении православной веры». Этот вывод подтверждают паломнические записи сибиряков и сделанный В. В. Цысь и О. П. Цысь анализ прошений паломников Тобольской и Томской губернии. Хотя, как отмечают исследователи, «выявить причины, по которым паломники приняли решение отправиться в Святую Землю, крайне сложно. Сама форма

документа этого не предполагала», но все-таки чаще всего в тексте прошений паломники «сообщали о необходимости поклониться Святым местам в силу данного обета или “по склонности”, из-за нужды “в очищении от грехов своей души и тела”, “по преклонности лет мы возымали пламенной желание побывать и поклониться Св. местам”, “по обещании своей болезни” или просто “помолиться Богу”» [Цысь и др., 2014, с. 129]. Воспитанник Н. Уставщиков так описывал свои чувства после приезда в Иерусалим: *Мы там, где родился, проповедовал, творил чудеса Спаситель мира, Господь наш Иисус Христос, — мы там, где пролил Он драгоценную Божественную Кровь Свою, положил душу и тело Свое за весь греховный род человеческий, совоскресил и нас с Собою — мертвых от века: мы там, где Он ниспослал утешителя — Духа Святого для вечного пребывания с верующими в церкви Христовой. Вспоминая это и проникаясь духом религиозности, стыдно становится за свое поведение. Достойны ли мы такого счастья...* [Уставщиков, 1910, с. 37].

Анализируя цели паломничества, мы можем говорить не только об «оздоровлении религиозности» русского общества, укреплении традиционных ценностей, но и фактически о конструировании, построении русской идентичности. Это демонстрирует интересный пример паломничества на Святую землю киргиза Туржана (после крещения — Иван Вишняков) из Омска. История крещёного киргиза стала известна благодаря протоиерею А. И. Сулоцкому, у которого Туржан находился в служении. Эта история получила широкую известность и популярность, она была напечатана минимум три раза: сначала в 1853 году в «Тобольских губернских ведомостях», затем в этом же 1853 году в «Москвитянине» и далее в 1862 году в «Страннике». Как писал протоирей, креститься в православную веру молодого человека сподвигла бытовая привлекательность русской жизни: *спокойная жизнь, а так же их опрятность в содержании домов, в приготовлении и употреблении пищи и во всем сибирские крестьяне, в особенности старожилы, действительно отличаются чистотой и опрятностью, и далее: Туржана в наших Сибирских крестьянах поражало то, что они ни спать не лягут, ни после сна не встанут, ни за стол не сядут, ни из-за стола не выйдут, не начнут, не окончат никакого дела без того, чтобы не помолиться Богу, не сделали по крайней-мере на себе крестного знамения, и что они часто даже так в своих разговорах и при своих занятиях вспоминают Бога, Господа Иисуса Христа, ангелов Божиих и святых угодников* [Сулоцкий, 1862, с. 138—139].

После крещения, по словам А. И. Сулоцкого, у Туржана возникло желание *поучиться в святых местах вере, которую он недавно принял* [Там

же, с. 140—141]. Заметим, что затея с посещением Святой земли вызвала скепсис и даже «насмешки» среди обывателей в Омске. Однако в 1850—51 годах киргиз все-таки совершил паломничество в Палестину [Там же]. Паломничество для Туржана было, очевидно, связано не только с любопытством и жаждой путешествий (в чем молодому человеку отказать было нельзя), но и с желанием стать истинно православным и русским. В примечании своей статьи протоирей дает важный комментарий: *Сибирь давно уже — Россия; несмотря на то, Сибиряки, даже из Русских, до сих пор Россией называют одно до-Уралье и Российскими величают только тех из русских, которые недавно прибыли из России, т. е. из до-Уралья. Так и я здесь говорю* [Сулоцкий, 1862, с. 141]. Сильная региональная идентичность превалировала в Сибири над общерусской [Жигунова, 2014, с. 48—62]. Путешествие в до-Уралье для Туржана, таким образом, было возможностью верифицировать свою новую идентичность среди русских, паломничество в Святую землю — возможность верифицировать свою религиозность в «хранилище» православной веры. А. И. Сулоцкий писал: *И вот он возвратился оттуда, если не мужем совершенным в деле веры, то все же и не младенцем* [Сулоцкий, 1862, с. 144].

5. Заключение

Итак, в конце XIX — начале XX веков в общественно-религиозном дискурсе Сибири была обозначена проблема региональной религиозной идентичности. Инициатором обсуждения проблемы стали новые переселенцы из европейской части России, прежде всего духовного звания. В нескольких текстах, опубликованных в сибирских епархиальных ведомостях, авторами были сформулированы особенности сибирской религиозности: часовой характер набожности сибиряков, низкий уровень обрядовой религиозности, стремление к «материальной жертве Богу» и богопочитание посредством паломничества. Центральными, по мнению публикаторов, являлись два вопроса: насколько сибиряк (или, как его называли авторы, *сибирник*) сохранил вдали от исконных русских мест свою русскую, православную идентичность и как верифицировать «русскость» сибиряка. Ответы на эти вопросы общественно-религиозное сообщество искало в паломничестве в Палестину. Не случайно именно оно было выделено в качестве одной из особенных черт сибирской религиозности. Палестина для сибиряков представляла в качестве «хранилища» русской идентичности, где сибиряк проверял, насколько он сохранил свою исконную, прежде всего религиозную идентичность. Путь же в Палестину для сибирских иноверцев, принявших христианство, был путем по приобретению русской

идентичности. Фактически можно сделать вывод, что через Святую землю проходило соединение Сибири с центральной Россией, где коммуникационный мост создавали сибирские православные паломники.

Источники и принятые сокращения

1. *300-летие* Сибири. Тобольские епархиальные ведомости. — 1882. — № 23—24. — С. 467—475.
2. *Абаимов В.* Записка о необходимости издания в Сибири ежедневной православной газеты / В. Абаимов // Енисейские епархиальные ведомости. — 1905. — № 14. — С. 363—375.
3. ГИАОО — *Государственный исторический архив Омской области*. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16608; Ф. 67. Оп. 1. Д. 1576.
4. *Городков Н.* Императорское православное палестинское общество / Н. Городков // Тобольские епархиальные ведомости. — 1897. — № 4. — С. 41—57.
5. *Городков Н.* Сибирское общество прежнего времени в религиозно-нравственном отношении / Н. Городков // Томские епархиальные ведомости. — 1889. — № 17. — С. 9—18.
6. *Гусев К.* Паломничество в Святую землю и его причины / К. Гусев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1910. — № 15. — С. 353—357.
7. *Дикусар.* Несколько слов о религиозно-нравственном состоянии сибирского крестьянина и мерах к его улучшению // Енисейские епархиальные ведомости. — 1916. — № 14. — С. 9—11.
8. *Еще в защиту* Сибиряка // Енисейские епархиальные ведомости. — 1916. — № 21. — С. 14—16.
9. *М. И. П.* Ко Гробу Господню // Иркутские епархиальные ведомости. — 1902. — № 6. — С. 86—93.
10. *Новейшие* монастырские события // Иркутские епархиальные ведомости. — 1864. — № 29. — С. 482.
11. *О Сибиряке* // Енисейские епархиальные ведомости. — 1916. — № 23. — С. 23—24.
12. *Попов.* О чудесах Святителя Иннокентия // Иркутские епархиальные ведомости. — 1910. — № 9—10. — С. 281.
13. *Распоряжение* епархиального начальства // Енисейские епархиальные ведомости. — 1887. — № 10. — С. 131.
14. *Религиозные* нужды переселенцев Акмолинской области // Омские епархиальные ведомости. — 1907. — № 8. — С. 33—36.
15. *Русские* паломники на Святой земле // Тобольские епархиальные ведомости. — 1898. — № 6. — С. 143—154.
16. *Русские* паломники по отзыву итальянской писательницы // Тобольские епархиальные ведомости. — 1901. — № 14. — С. 350.
17. *Селихов И. А.* О паломническом странствовании моем на ближний Восток в Турции / И. А. Селихов // Тобольские епархиальные ведомости. — 1907. — № 13. — С. 374.

18. *Смирнов Д.* Речь в собрании Тобольского отдела Императорского Православного Палестинского общества 28 апреля 1913 г. / Д. Смирнов // Тобольские епархиальные ведомости. — 1913. — № 10. — С. 29—33.

19. *Сулоцкий А. И.* Киргиз на поклонении Св. местам русским и палестинским (тут и о поводах, по каким он обратился и другие его сородичи обращаются в христианство) / А. И. Сулоцкий // Странник. — (сентябрь) 1862. — С. 136—145.

20. *Уставщиков Н.* Из дневника семинариста. Экскурсия воспитанников Красноярской духовной семинарии во Святую землю летом 1908 г. / Н. Уставщиков // Енисейские епархиальные ведомости. — 1909. — № 11; 1910. — № 4; 1912. — № 16.

21. *Ушакова В.* В защиту сибиряка / В. Ушаков // Енисейские епархиальные ведомости. — 1916. — № 17. — С. 28—29.

22. *Haggard H. R.* A winter pilgrimage : being an account of travels through Palestine, Italy, and the island of Cyprus accomplished in the year 1900 : copyright edition : in two volumes / H. R. Haggard. — Leipzig : Bernhard Tauchnitz, 1902.

Литература

1. *Бутова Р. Б.* Формирование сакрального пространства Русской Палестины (по материалам дневника архимандрита Антонина Капустина) / Р. Б. Бутова, Н. Н. Лисовой // Религии мира. История и современность. — 2012. — Т. 2010. — С. 518—550.

2. *Грушевой А. Г.* Императорское Православное Палестинское Общество. Обзор истории до 1917 г. / А. Г. Грушевой // Вспомогательные исторические дисциплины. — 2013. — Т. XXXII, № 32. — С. 472—497.

3. *Грушевой А. Г.* Материалы к истории деятельности Императорского православного палестинского общества в начале XX века / А. Г. Грушевой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2017. — № 2 (18). — С. 153—331.

4. *Дулов А. В.* Православная церковь в восточной Сибири в XVII — начале XX вв. / А. В. Дулов, А. П. Санников. — Иркутск : ИГУ, 2006. — 292 с.

5. *Жигунова М. А.* Сибирский ракурс региональной идентичности / М. А. Жигунова, А. В. Ремнёв, Н. Г. Суворова // Национальные приоритеты России. — 2014. — № 2 (12). — С. 48—62.

6. *Пересыпкин О. Г.* Культурно-исторический феномен “Русская Палестина” / О. Г. Пересыпкин // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. — 2016. — № 8 (319). — С. 105—121.

7. *Романов Б. Н.* Путешествия в Святую землю : записки русских паломников и путешественников XII—XX вв. / Б. Н. Романов. — Москва : Лепта. — 1995. — 255 с.

8. *Цысь В. В.* Отделы Императорского православного палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. : основные направления, содержание и результаты деятельности / В. В. Цысь, О. П. Цысь. — Нижневартовск : НВГУ. — 2014. — 247 с.

9. *Шаповалов М. С.* Иностранное присутствие в Палестине в дневниках и заметках русских путешественников конца XIX — начала XX вв. / М. С. Шаповалова // Новейшая история России. — 2018. — № 4. — С. 951—965.

Siberian Confessional Identity of Late 19th — Early 20th Centuries: Factor of Palestinian Pilgrimage¹

© **Viktoria A. Gerasimova (2019)**, orcid.org/0000-0002-9968-3379, PhD in History, research scientist, Omsk State University named after F. M. Dostoyevsky (Omsk, Russia), gerasimova@bk.ru.

The phenomenon of Russian religious identity in Siberia is considered. Religious and secular texts of Siberian authors of 19th — early 20th centuries, documents of regional archives are used as a material. Special place is given to the issues of “religiosity” and special “mores of Siberians.” The aim is to analyze the process of actualization of traditional conservative Russian values in Siberia. The author concludes that the transformation of the regional Siberian identity was influenced by the concept of “Russian Palestine.” It was one of the unique “repositories” of national cultural memory and Russian identity. The intervention of the Russian tradition in Palestine was carried out for centuries, as a result of which a unique religious and cultural phenomenon arose thousands of kilometers from the borders of Russia. Despite the changes and upheavals within the country, “Russian Palestine” retained its functions as a “repository,” became a kind of intertemporal field on which the formation, verification and consolidation of new, specific religious and cultural ideas and values took place, through the Holy land the connection of Siberia with Central Russia occurred. The main communication bridge between Siberia and the Holy land were Siberian Orthodox pilgrims. The main purpose of the pilgrimage, according to the Siberian clergy, was to raise the religious feelings of believers, “the improvement of the Orthodox faith.” The way to Palestine for the Siberian Gentiles who converted to Christianity was the way to acquire Russian identity.

Key words: Palestine; Russian religious identity; Siberian pilgrims; Russian Palestine; Holy Land; Jerusalem.

Material resources

- 300-letiyе Sibiri (1882). *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti*, 23—24: 467—475. (In Russ.).
- Abaimov, V. (1905). Zapiska o neobkhodimosti izdaniya v Sibiri yezhednevnoy pravoslavnoy gazety. *Eniseyskiye eparkhialnyye vedomosti*, 14: 363—375. (In Russ.).
- Dikusar (1916). Neskolkо slovo o religiozno-nravstvennom sostoyanii sibirskogo krestyana i merakh k yego uluchsheniyu. *Eniseyskiye eparkhialnyye vedomosti*, 14: 9—11. (In Russ.).
- Eshche v zashchitu Sibiriyaka (1916). *Eniseyskiye eparkhialnyye vedomosti*, 21: 14—16. (In Russ.).
- GIAOO. — *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti*. F. 3. Op. 10. D. 16608; F. 67. Op. 1. D. 1576. (In Russ.).
- Gorodkov, N. (1889). Sibirskoye obshchestvo prezhnego vremeni v religiozno-nravstvennom otnoshenii. *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti*, 17: 9—18. (In Russ.).

1 The study is financially supported by the Russian Scientific Foundation, project “Imaginary territories of Russian identity: the case of Palestine of the 19th–21st centuries” (№ 18-78-10062).

- Gorodkov, N. (1897). Imperatorskoye pravoslavnoye palestinskoye obshchestvo. *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti*, 4: 41—57. (In Russ.).
- Gusev, K. (1910). Palomничество v Svyatuyu zemlyu i yego prichiny. *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti*, 15: 353—357. (In Russ.).
- Haggard, H. R. (1902). *A winter pilgrimage: being an account of travels through Palestine, Italy, and the island of Cyprus accomplished in the year 1900: copy-right edition: in two volumes*. Leipzig: Bernhard Tauchnitz.
- M. I. P. (1902). Ko Grobu Gospodnyu. *Irkutskiy eparkhialnyye vedomosti*, 6: 86—93. (In Russ.).
- Noveyshiye monastyrskiy sobyitiya (1864). *Irkutskiy eparkhialnyye vedomosti*, 29: (In Russ.).
- O Sibiryake (1916). *Eniseyskiye eparkhialnyye vedomosti*, 23: 23—24. (In Russ.).
- Popov (1910). O chudesakh Svyatitelya Innokentiya. *Irkutskiy eparkhialnyye vedomosti*, 9—10. (In Russ.).
- Rasporyazheniye eparkhialnogo nachalstva (1887). *Eniseyskiye eparkhialnyye vedomosti*, 10. (In Russ.).
- Religioznyye nuzhdy pereselentsev Akmolinskoy oblasti (1907). *Omskiye eparkhialnyye vedomosti*, 8: 33—36. (In Russ.).
- Russkiye palomniki na Svyatoy zemle (1898). *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti*, 6: 143—154. (In Russ.).
- Russkiye palomniki po otzyvu italyanskoy pisatel'nitsy (1901). *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti*, 14. (In Russ.).
- Selikhov, I. A. (1907). O palomnicheskom stranstvovanii moyem na blizhniy Vostok v Turtsii. *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti*, 13. (In Russ.).
- Smirnov, D. (1913). Rech v sobranii Tobolskogo otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva 28 aprelya 1913 g. *Tobolskiye eparkhialnyye vedomosti*, 10: 29—33. (In Russ.).
- Sulotskiy, A. I. (sentyabr' 1862). Kirgiz na poklonenii Sv. mestam russkim i palestinskim (tut i o povodakh, po kakim on obratilsya i drugie yego sorodichi obrashchayutsya v khristianstvo). *Strannik*. 136—145. (In Russ.).
- Ushakova, V. V. (1916). V zashchitu sibiryaka. *Eniseyskiye eparkhialnyye vedomosti*, 17: 28—29. (In Russ.).
- Ustavshchikov, N. (1909, 1910, 1912). Iz dnevnika seminarista. Ekskursiya vospitannikov Krasnoyarskoy dukhovnoy seminarii vo Svyatuyu zemlyu letom 1908 g. *Eniseyskiye eparkhialnyye vedomosti*, 11, 4, 16. (In Russ.).

References

- Butova, R. B, Lisovoy, N. N. (2012). Formirovaniye sakralnogo prostranstva Russkoy Palestiny (po materialam dnevnika arkhimandrita Antonina Kapustina). *Religii mira. Istoriya i sovremennost'*, 2010: 518—550. (In Russ.).
- Dulov, A. V, Sannikov, A. P. (2006). *Pravoslavnaya tserkov' v vostochnoy Sibiri v XVII — nachale XX vv.* Irkutsk: IGU. (In Russ.).

- Grushevoy, A. G. (2013). Imperatorskoye Pravoslavnoye Palestinskoye Obshchestvo. Obzor istorii do 1917 g. *Vspomogatelnyye istoricheskiye dissipliny*, XXXII (32): 472—497. (In Russ.).
- Grushevoy, A. G. (2017). Materialy k istorii deyatel'nosti Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva v nachale XX veka. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*, 2 (18): 153—331. (In Russ.).
- Peresypkin, O. G. (2016). Kulturno-istoricheskiy fenomen “Russkaya Palestina”. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal Obozrevatel' — Observer*, 8 (319): 105—121. (In Russ.).
- Romanov, B. N. (1995). *Puteshestviya v Svyatuyu zemlyu: zapiski russkikh palomnikov i puteshestvennikov XII—XX vv.* Moskva: Lepta. (In Russ.).
- Shapovalov, M. S. (2018). Inostrannoye prisutstviye v Palestine v dnevnikakh i zametkakh russkikh puteshestvennikov kontsa XIX — nachala XX vv. *Noveshaya istoriya Rossii*, 4: 951—965. (In Russ.).
- Tsys', V. V., Tsys', O. P. (2014). *Otdely Imperatorskogo pravoslavnogo palestinskogo obshchestva v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX — nachale XX vv.: osnovnyye napravleniya, soderzhaniye i rezul'taty deyatel'nosti.* Nizhnevartovsk: NVGU. (In Russ.).
- Zhigunova, M. A., Remnev, A. V., Suvorova, N. G. (2014). Sibirskiy rakurs regionalnoy identichnosti. *Natsionalnyye priority Rossii*, 2 (12): 48—62. (In Russ.).